

Валентина Брио

О Сене – поэте

А силуэт мой — груб и тонок
На берегу лагуны мёрз,
Пока слова я, как ребенок,
Писал по небу между звезд...
Венецийская сказочка.

Сеня Шварцбанд был моим коллегой на кафедре Еврейского университета в Иерусалиме. Но Сеня был не только исследователем, преподавателем, он был еще и поэтом. Сказывалось это и в работе, и в жизни. Мне думается, что когда уходит поэт, его стихи изменяются, а может быть, мы читаем их другими глазами, как другими глазами смотрим на его фотографии.

Одна из его поэтических книг названа «Схолии». По-гречески – комментарии, примечания, но различимо и звучание другого слова: схоле – школа. В любом случае это постижение, извлечение смысла – только каким-то особенным способом, присущим лишь поэтам.

За поворотом – улочка Схолия.

А за руинами –новый сюжет.

Метафоры и метаморфозы древних Афин, Рима. Толедо, Иерусалима становились стихами подобно тому, как вели за собой пыльные камни их улиц неутомимого странствующего Сеню.

... и стоило немалого труда

Дойти вдвоем от Двинска до Толедо.

Странствия поэта – странствия сразу в нескольких измерениях: реальном, «мечтательном» (как сказали бы в 19 веке), интеллектуальном. Соединяясь, все они претворяются в поэтический образ. Звучит не монолог, обращенный к городу, а диалог: с городом складываются отношения, они и составляют внутреннюю суть стихотворения, которая скрывается за внешним сюжетом.

Я Рим люблю за то, что на весу,

как на ладони, держит мирозданье.

В нескольких отрывочных словах и прерванных сентенциях ухвачен и выражен характер этих городов. Да и собственный непростой характер проглядывает, хоть и упрятан за словом и ритмом. Поэт живет в истории и мифологии этих городов, обосновавшись часто как-то по-домашнему уютно, – «в дворике, где Санти ночевал», или «в теплом доме Ариосто», а то находя

какой-нибудь уютный уголок

В Траставере или в Кампо ди Фиори,

«в стоптанных улочках низенькой Плаки», «в зеленых расщелинах Гарца». Есть такие и в своем городе, в Иерусалиме: «за углом от Бен-Иегуды», «У Нисима» всегда перед субботой». Этот город часто присутствует как бы подспудно:

В Иерусалиме за полночь, а я

Ночь коротаю в Санта-Маринелла.

Но уют порой неустойчив, может быть, от того исторического напряжения, под которым поэт в этих городах находится.

Там происходит разговор с художниками, поэтами, «гениями места» этих городов – сквозь время, в мире поэзии, где им можно быть на дружеской ноге, без рангов и ранжиров, где поэт среди своих. Сеня сейчас, конечно, там.

Читая его стихи, вспоминаешь пушкинское «забалтываюсь донельзя». Эти стихи часто и представляют собой внешне фрагменты такой болтовни. Легкой, непринужденной, летучей и летящей, может быть, за дружеским столом. Неслучайно у сениных стихов так много посвящений.

В этой беседе, где стихи текут прихотливой мелодией, – то затухающей, уходящей, то продолжающейся «как говор хриплый и горячий», то взмывающей звонко и сильно, – за шуткой, за кажущейся случайностью, скрывается важное и главное. Мы ждем: вот отойдут необязательные, будничные слова, шутки, игра, и тогда посерьезнеют лица, и выскажется то, ради чего разговор. И тут же спохватываемся, понимаем, что ведь все уже сказалось как бы само собой в этой неприхотливости. И кроется в ней и лиризм, и драматизм, и мудрость. Главные слова в этой поэзии высказываются сдержанно, с мужественным приятием жизни. Как, к примеру, вечные для каждого поэта раздумья о творчестве:

Проклятая муза, старуха, ну чем

Меня соблазняешь, дуреха?..

Необычно для мифологии Музы. И никакой тебе «Леноры при луне» или хоть «барышни уездной».

И среди многоголосицы разговоров, размышлений вслух, доверительности с читателем неожиданное:

Летейское безмолвие учу,

Труднейшее из мыслимых наречий.

Похоже на лирический дневник, который пишется спонтанно, детали «отделки» запряваны глубоко.

Шуршит кора седая эвкалипта

И на Мерон восходит дымка мглы,

Дописывая к вечности постскриптум

С таинственной загадкой Каббалы.

Сон не идет, я тайнам не обучен.

Собой не озабочен. И во тьме

Рассматриваю жизнь как частный случай

Всеобщего бессмертья....

В поэтических книгах Сени, в мгновениях, запечатленных в стихах, постепенно открывается читателю удивительное доверие к нему поэта, доверие, которое хочется хранить.